

М. Г. ЛЕВИН

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ

Вопрос о первоначальном заселении территории Сибири человеком имеет выдающийся интерес. С его разрешением связано правильное освещение позднейших этапов истории древнего человека в Сибири, выяснение сложных вопросов формирования его физического типа. Вместе с тем, вопрос и о древнейшем заселении Сибири и о путях его далеко еще не разработан в достаточной степени и очень слабо освещен в нашей литературе.

Следов пребывания человека раннего палеолита на территории Сибири до настоящего времени не найдено. Описывавшаяся старыми авторами «мустьерская» индустрия сибирских палеолитических стоянок относится, как показали исследования советских археологов, к значительно более позднему времени. Напомним, что один из первых исследователей сибирского палеолита И. Т. Савенков относил найденную им стоянку Афонтова Гора около Красноярска к мустьерско-ориньякскому времени на основании сходства многих из найденных здесь орудий с мустьерскими скребками и остроконечниками. Исследования, произведенные современными археологами и геологами, показали, что орудия, внешне сходные с мустьерскими, не могут быть рассматриваемы как пережиток мустьерской эпохи, так как количество их к концу позднего палеолита Сибири не только не уменьшается, но, напротив, резко увеличивается¹.

В. И. Громов указывает на находку остроконечника мустьерского типа в палеолитическом местонахождении около Красноярска (дер. Кубеково, на левом берегу Енисея, в 25 км ниже города). Здесь же были найдены каменные² и костяные орудия верхнего палеолита. Стратиграфия местонахождения не изучена². Датировка наконецника мустьерским временем остается, таким образом, сомнительной. Никаких костных остатков человека неандертальского типа в Сибири также не найдено.

Все известные до настоящего времени в Сибири древнейшие следы человека относятся уже к верхнему палеолиту, и притом к сравнительно поздним его этапам. Верхнепалеолитические местонахождения достаточно многочисленны (около 70 стоянок, по последней сводке В. И. Громова); располагаются они почти все в долинах крупных рек. Можно выделить, как известно, три основных, сравнительно узкие области распределения верхнепалеолитических стоянок в Сибири: верховья Оби, верхнее течение Енисея и область вокруг Байкала (Ангара с ее притоком р. Белой, Иркут, Селенга, Онон, верховья Лены). На Лене палеолитические стоянки, открытые в последние годы А. П. Окладниковым, доходят до 61° с. ш., что является крайним, известным до настоящего времени, северным пределом распространения палеолитического человека не только в Сибири, но и вообще на земле.

По своей стратиграфии, фауне, характеру индустрии верхнепалеолитические памятники Сибири относятся к разному времени. Геологи и археологи различают здесь три основных стадии. Все исследователи сибирского палеолита согласны с тем, что стоянок, относящихся к начальным этапам позднего палеолита, в Сибири, пока не найдено. Наиболее древние из известных стоянок относятся к концу ледникового периода. Геологи обосновывают этот вывод тем, что накопление следов пребывания палеолитического человека Сибири относится к тому времени, когда основные террасы сибирских рек уже сформировались. Это согласуется и с характером инвентаря наиболее древних в Сибири палеолитических стоянок, которые сопоставляются со стоянками солотвейской или раннемадленской стадии Западной и Восточной Европы. К этому времени относятся две широко известные стоянки Мальта и Буреть.

По вопросу об археологической датировке Мальтинской стоянки высказывались

¹ Исчерпывающая библиография по палеолиту Сибири приводится в работе В. И. Громова «Палеолитическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (Млекопитающие. Палеолит)», Труды Института геологич. наук, Геологич. серия, вып. 64, № 17, 1948. См. также работу А. П. Окладникова «Освоение палеолитическим человеком Сибири». Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950, стр. 150—158.

² В. И. Громов, указ. работа, стр. 304, 361.

различные мнения. Исследовавший стоянку М. М. Герасимов³ относит ее к ориньякскому времени; Г. П. Сосновский считает ее стадially соответствующей европейскому ориньяку — солютре⁴. П. П. Ефименко датирует Мальтинскую стоянку поздним солютре⁵. В. И. Громов, основываясь на геологических и палеоантропологических данных, относит стоянку «в согласии с археологами, к несколько более раннему времени, чем Афонтова Гора I, II, III»⁶.

Открывший Буретинскую палеолитическую стоянку А. П. Окладников относит ее к тому же времени и типу, что и Мальтинская стоянка⁷. А. П. Окладников считает одновременной с Мальтинской также открытую им стоянку у дер. Частинской на р. Лене между гор. Киренском и устьем р. Витима. Там найдены каменные орудия вместе с костями носорога, песка, дикой лошади и северного оленя.

С анализом этих, наиболее древних пока палеолитических стоянок связано в значительной степени разрешение тех вопросов, которые составят содержание настоящей заметки.

Многие авторы указывали на сходство инвентаря и особенно предметов искусства Мальтинской стоянки с европейскими. Об этом пишет в своем предварительном отчете о раскопках Мальтинской стоянки М. М. Герасимов⁸; эту же мысль развивает П. П. Ефименко, сравнивающий орудия и предметы искусства Мальтинской стоянки с находками в Мезине (Черниговской области)⁹. По отношению к Буретинской стоянке сходство с европейскими стоянками особенно подчеркивает А. П. Окладников.

Как оценивать весьма существенный факт определенного сходства наиболее ранних в Сибири палеолитических памятников с европейскими?

Всего полнее этот вопрос освещен в работах А. П. Окладникова, который видит в указанном сходстве доказательство первоначального заселения Сибири с запада.

«...Поразительное сходство палеолитических художественных изделий Сибири с восточноевропейскими и западноевропейскими образцами искусства не только в общем облике, но и в частных деталях, вероятно, объясняется, — пишет он, — не только сходством условий существования, не одной только общей близостью хозяйственного уклада, быта и техники на обширных территориях Старого Света от Балтики до Байкала. Резные изображения птиц из Бурети и Мальты встречаются, например, общую аналогию в птичках из мамонтовой кости, найденных в Мезине на Украине. Женские же изображения обнаруживают в стиле, формах и даже мелких деталях еще более полное совпадение на всей этой колоссальной территории, совпадение, которое вряд ли может быть объяснимо только одинаковой бытовой обстановкой в конце ледникового периода.

При отсутствии в Сибири памятников более древних, чем поселения конца солютрейской и начала мадленской стадии верхнего палеолита, это сходство может свидетельствовать о том, что первоначальное заселение Сибири шло с запада на восток, из областей классической, давно уже сложившейся культуры арктических охотников Запада, где она выросла из предшествующего ей «среднего палеолита», т. е. из мустьерской культуры.

Перевалив за Уральский «Каменный пояс», древние охотничьи племена Восточной Европы, принадлежавшие к представителям европейского физического типа в его древнейшей, палеолитической форме, достигли района нынешнего Томска, отсюда перешли еще дальше на восток, в долину Ангары и Енисея, а затем продвинулись вплоть до Байкала»¹⁰.

Действительно, при большом числе обнаруженных в Сибири верхнепалеолитических памятников трудно отнестись к отсутствию здесь стоянок ранних этапов верхнего палеолита только за счет недостаточной изученности территории.

Очень соблазнительной кажется поэтому гипотеза о сравнительно позднем заселении Сибири человеком с запада, из Европы — области древнейших палеолитических культур. Однако такое решение наталкивается на целый ряд трудностей, и изложенная выше гипотеза теряет свою кажущуюся убедительность.

Нельзя пройти, во-первых, мимо того существенного факта, что наиболее древние из обнаруженных стоянок расположены в Восточной Сибири; все палеолитические

³ М. Герасимов, Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928—1929 гг., Иркутск, 1931.

⁴ Г. П. Сосновский, Палеолитические стоянки Северной Азии, Труды 2-й Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. 5, 1934, стр. 268.

⁵ П. П. Ефименко, Певобытное общество, 1938, стр. 510 и сл.

⁶ В. И. Громов, Указ. раб., стр. 369.

⁷ А. П. Окладников, Буреть, новая палеолитическая стоянка на Ангаре, «Советская археология», V, стр. 290—293; ето же, Палеолитические жилища в Бурети, «Краткие сообщения ИИМК», вып. X, 1941, стр. 16—31.

⁸ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 23.

⁹ П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 510—515.

¹⁰ А. П. Окладников, История Якутии, т. I, Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству, Якутск, 1949, стр. 40—41; см. также стр. 52—53, 56. Эта же взгляды развиваются А. П. Окладниковым в специальной работе «Освоение палеолитическим человеком Сибири».

местонахождения Западной Сибири относятся к стадии более поздней, чем Мальта и Буреть¹¹. Ссылки на недостаточную изученность были бы здесь мало убедительными, так как достаточно обширные районы у Бийска, у Красноярска тщательно изучены рядом авторитетных исследователей и число открытых здесь палеолитических памятников сравнительно велико.

Расположение наиболее древних стоянок в Восточной Сибири и отсутствие одно-временных стоянок в Западной и Средней Сибири говорят скорее против существования связей между Сибирью и Европой в то время. Эти связи относятся, повидимому, к более позднему времени и, что особенно важно, указывают на распространение сибирских элементов на запад, а не наоборот. Мы имеем в виду известную стоянку им. Талицкого на р. Чусовой близ Молотова¹², инвентарь который имеет сибирский облик. «Сибирский характер стоянки им. Талицкого,— пишет О. Н. Бадер, проведший широкие раскопки этой стоянки,— приводит к выводу о наибольшей вероятности первоначального заселения Урала и даже Зап. Приуралья с востока, т. е. из Сибири, а не из Европы»¹³. В пользу этого, указывает О. Н. Бадер, говорят и палеогеографические условия в эпоху максимального оледенения, «когда донской язык материкового льда почти соединился с хазарской трансгрессией Каспия, изолируя Поволжье и Урал от Европы в течение десятков тысячелетий»¹⁴.

Решающее слово по интересующему нас вопросу могли бы сказать палеоантропологические материалы. К сожалению, такие материалы для ранней стадии верхнего палеолита Сибири пока отсутствуют. Обнаруженные М. М. Герасимовым в Мальтинской стоянке костные остатки ребенка не изучены. Но мы располагаем некоторыми косвенными данными для суждения об антропологическом типе населения палеолитических стоянок Восточной Сибири.

Палеоантропологический материал по неолиту Прибайкалья, известный в настоящее время уже в значительном количестве, позволяет твердо установить принадлежность населения этой эпохи к монголоидам. Характерный тип прибайкальского неолита палеосибирский тип обладает выраженными чертами монголоидной расы. Вопрос о возможной небольшой европеоидной примеси в составе неолитического населения этой территории не может считаться окончательно решенным; во всяком случае, если эта примесь и имела место, она не может считаться сколько-нибудь значительной и древней¹⁵. А. П. Окладников убедительно показал преемственность неолитической культуры Прибайкалья с древними верхнепалеолитическими культурами этой области. В свете этих данных у нас нет оснований предполагать существенную смену населения от верхнего палеолита к неолиту. Древнейшее население Прибайкалья, так же как и носители прибайкальского неолита, относилось, повидимому, к монголоидам.

Выдающееся значение в решении рассматриваемого нами вопроса имеет находка на стоянке Афонтова Гора II под Красноярском. Стоянка Афонтова Гора на основании данных стратиграфии и палеонтологии относится к несколько более позднему времени, чем стоянки Мальтинско-Буретинской группы, но является одной из древнейших на Енисее. Здесь в нижнем горизонте культурного слоя в 1937 г. был обнаружен фрагмент лобной кости человека с частями носовых костей. Эта находка была тщательно изучена Г. Ф. Дебецом¹⁶.

Как ни фрагментарен обломок, принадлежащий к тому же молодому субъекту, он позволяет все же на основании совершенно плоского переноса отнести его к монголоидному типу.

Мы не склонны придавать большое значение особенностям женских статуэток из стоянок Мальта и Буреть в отношении их расовой диагностики, но следует все же вспомнить ту характеристику, которую дал в свое время А. П. Окладников найденной им статуэтке из Бурети. Он подчеркивает ее монголоидный облик в профилировке лица, строении носа и особенно в области глаз. Монголоидные особенности отмечает

¹¹ Помимо Мальтинской и Буретинской стоянок, к древнейшим в Сибири относятся и указанная выше Частинская на р. Лене и, возможно, наиболее древняя из всех стоянка у Военного госпиталя в Иркутске, обнаруженная еще в 1871 г. Все эти стоянки расположены на сравнительно небольшой территории вокруг Байкала.

¹² М. В. Талицкий, Палеолитическая стоянка на р. Чусовой, Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1940, № 6—7; его же, Островская палеолитическая стоянка близ гор. Молотова, «Краткие сообщения ИИМК», IV, 1940.

¹³ О. Н. Бадер, Каменный век на Урале, Первое Уральское археологическое совещание, Молотов, 1948, стр. 11; см. его же, Первоначальное заселение Урала и Волго-Камы человеком, Ученые записки Молотовского гос. ун-та, т. V, вып. 2, 1947; его же, Некоторые вопросы палеогеографии Урала и северо-восточной Европы в свете археологических данных. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950.

¹⁴ О. Н. Бадер, Каменный век на Урале, стр. 12.

¹⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии, IV, 1948, стр. 56—61.

¹⁶ Г. Ф. Дебеч, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова Гора II» под Красноярском, Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1946, № 8.

А. П. Окладников и на мальтинских статуэтках¹⁷. Такая трактовка явно противоречит концепции того же автора о европеоидном типе первоначальных насельников Сибири.

Разрешить это противоречие А. П. Окладников пытается, принимая смещение в Восточной Сибири древнего европеоидного, связанного с Западом, населения с монголоидами, область формирования которых охватывала территорию «от Алтая до реки Желтой»¹⁸. Буретинская статуэтка свидетельствует, по мнению автора, о распространении уже в эпоху Мальтинской и Буретинской стоянок «монголоидных признаков в среде первоначального европеоидного населения Восточной Сибири»¹⁹. Следует подчеркнуть, что никаких прямых данных о европеоидности древнего населения привести нельзя, и А. П. Окладников реконструирует эту сложную картину взаимодействия европеоидов и монголоидов в палеолите Восточной Сибири, исходя только из «западного» фона элементов культуры.

Непонятным остается как мыслится этот процесс монголизации населения Восточной Сибири в последующую эпоху.

А. П. Окладников справедливо протестует против построения тех авторов, которые видят в изменении характера инвентаря более поздних стоянок по сравнению со стоянками первой стадии результат вторжения новых пришельцев, следствие смены населения. При всем различии палеолитической культуры первой стадии с «мустьерообразным» инвентарем более поздних стоянок типа Афонтова Гора и др. преемственность здесь отрицать нельзя, и речь должна идти, как убедительно показывает сам А. П. Окладников, об изменениях, связанных с переменной образа жизни палеолитического населения.

Но как объяснить тогда смену антропологического типа, которую принимает А. П. Окладников? Если не конструировать фантастической гипотезы о трансформации европеоидного типа в монголоидный на территории Сибири, то приходится признать, что такой смены антропологического типа в палеолите Сибири не происходило, что Сибирь первоначально являлась областью распространения монголоидов и формирования характерных для Северной Азии монголоидных антропологических типов.

Противоречит ли этому характер инвентаря и предметов искусства из наиболее древних стоянок Восточной Сибири, на сходстве которых с европейскими так настаивает А. П. Окладников?

Мы не имеем возможности в краткой заметке входить в детально рассмотрение отдельных типов орудий, отдельных скульптурных изображений. Соплещем только на заключения авторитетных исследователей, которые, указывая на сходство Мальтинской стоянки с европейскими, подчеркивают вместе с тем и ее существенные отличия.

Так, М. М. Герасимов, сравнивая мальтинские женские статуэтки с европейскими, говорит лишь о некоторых сходных чертах в трактовке и технике, подчеркивая «разительную разницу между произведениями подобного рода Западной Европы и статуэтками Мальтинской культуры»²⁰.

Не склонен преувеличивать это сходство и П. П. Ефименко, который указывает лишь на некоторые аналогии в орудиях и произведениях искусства.

Для подкрепления своей концепции о заселении Сибири из Европы А. П. Окладников приволяет и лингвистические данные, ссылаясь здесь на работы Г. М. Василевича, показавшей общие лексические элементы в самых разнообразных языках Европы и Азии²¹. Эта лингвистическая аргументация мало что доказывает. Во-первых, никак уже невозможно доказать, что тот или другой общий термин в языках восходит обязательно к эпохе древнейшего заселения Сибири, во-вторых, лингвистическая общность никак не указывает на направление связей и уже, во всяком случае, не может служить аргументом в пользу заселения Сибири именно с запада.

Как ни значительно сходство в инвентаре и искусстве ранних палеолитических стоянок Восточной Сибири с европейскими, оно вполне находит свое объяснение в стадийной общности, которая, как мы знаем, проявляется тем сильнее, чем ниже уровень культуры. Если учесть единство климатических условий Сибири и Европы в ту эпоху, почти тождественную фауну, одинаковое направление хозяйства верхнепалеолитических охотников этих территорий, то отпадает необходимость видеть в указанном сходстве результат заселения Сибири из Европы.

Исследуя конкретную историю отдельных наводов и территорий, мы, признавая огромную роль древних связей различных человеческих групп в развитии культуры, не должны забывать о стадийной общности, о сходстве, обусловливаемом единством хозяйства, сходством географических условий и в первую очередь единым уровнем развития производительных сил.

¹⁷ А. П. Окладников, Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.), Материалы и исследования по археологии СССР, ИИМК, 1941, № 2, стр. 105; см. также «Историю Якутии», стр. 53.

¹⁸ А. П. Окладников, История Якутии, стр. 56.

¹⁹ Там же, стр. 53.

²⁰ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 23.

²¹ А. П. Окладников, История Якутии, стр. 41 и сл.; см. Г. М. Василевич, Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы, Труды Института этнографии, Новая серия, т. II, 1947.